

Травда, 1985, 16 марта

# Сказание о Фаине и Василии

У ТЕЛЕЭКРАНА

Есть у Виктора Астафьева рассказ «Тревожный сон». Рассказ, напоенный соками весеннего леса, прошитый стежками луговых трав, наполненный хорканьем и цвирканьем птиц, «стоимых любовью и жадной вечною

восполнения той жизни, которая ежегодно и ежеминутно уходит с земли». И все эти шорохи, звуки, томления сливаются воедино, как партии отдельных инструментов в оркестре, чтобы поддержать солирующий инструмент — голос судьбы человеческой.

Светла и трагична судьба главной героини рассказа Фаины — одной из многих и многих тысяч прекрасных в своей духовной красоте русских женщин, которые в немилосердную пору войны проводили, недолюбив, своих мужей на священный бой и потом ждали их неотступно годы и десятилетия.

Рассказ превратился в телевизионный фильм под новым названием «Ненаглядный мой». Режиссеру Артуру Войтецкому, поставившему его на киностудии имени А. Довженко по заказу Гостелерадио СССР, посчастливилось: Астафьев не просто переложил свое произведение для экрана, сам написав сценарий, а как бы переоркестровал его, сохранив все основные мотивы и усилив, разбив, развернув «солирующую партию», а также добавив несколько замечательных сцен, эпизодических лиц, деталей.

Режиссер, чуткий к сочной изобразительности и тонкому психологическому письму Астафьева, вместе с оператором Валерием Рожко любовно всматривается и в лики природы, и в каждое движение душ человеческих.

В фильме многозвучно вошло историческое время. Вошло и плененное старыми, широко известными, но по-особому зазвучавшими песнями, и поныне берушими за сердце стихами Константина Симонова «Жди меня», которые читает, как читал их в дни войны, по радио сам поэт. Вошло время и раняще зримыми приметам лихолетья, такими, как красные звезды из дерева или жести, которые деревенские ребятишки прибавляют к бревнам изб, где жили героически павшие в бою с врагом их отцы и братья.

Почти на каждой избе пламенеют одна, две, три, четыре такие звезды — знаки подвига и утраты, доблести и плача.

История Фаины и Василия, рабочих одного из уральских леспромхозов, полюбивших друг друга перед самой войной, — лишь капля из моря народной жизни, но это та самая капля, которая, как известно, многое может отразить. А в фильме рядом с нею отсвечивают и другие, увиденные писателем и перенесенные в фильм (в рассказе их не было).

Как забудешь трех женщин — маленький самостоятельный оркестрик на берегу реки в момент проходов на фронт, — играющих нестройно и пронзительно марш надежды? А среди музыкантов ту, что, как бы пытаясь заглушить все громче звучащий трагический хор войны, растягивает и растягивает свою, словно безмерную от нахлынувшей беды, гармонию. Или старика отца, который окликает и окликает, будто тем самым сможет сберечь, сына, уже улывающего на пароходе вместе с другими мобилизованными. И его же, через несколько лет получившего ситец, которым оделяет колхоз семьи героев, не вернувшихся с войны. Приняв кусок материи, так необходимой в разоренном хозяйстве, старик вдруг прячет в нее свое искаженное страданием лицо. Мужество и горе, каждодневные заботы и служение родной земле — все связано одним узлом.

Начинаясь солнечно, напевно, в роскошестве природы, благодарно запечатленной писателем и кинематографистами, начинаясь песнью торжествующей любви, которая берет свой исток в этой первозданной ясности и красоте

мира, фильм продолжается на высоте народной трагедии. Драматическим предвестником прерванной песни возникает на экране красавица птица. Как празднично ее оперенье, как царственно охорашивается она среди листвы, готовясь к полету! Но гремит выстрел, и комок взлохмаченных перьев чернеет в траве... Так же обрывается счастье Фаины и Василия.

Почти бессловесна роль Василия, но артист Тульского областного драматического театра Виталий Базин и в молчании красноречив. Душа его героя распахнута до самого доньшка, а любви к Фаине, Фаюшке, Горошине, как Василий называет жену, тот и вовсе не таит. Но и Василия увезет тот пароход, с которого в последний раз увидит он Фаину. А она с берега тоже в последний раз взглянет на него, который только что дурчался с ней, уходя на войну легко, как на охоту, и там, на пароходе, был как бы еще с ней, Фаиной, и в то же время уже отрешен от нее в вызревающей решимости исполнить свой высший долг. А с фотографии, что появится в избе, Василий долгие годы будет смотреть по-детски изумленно и улыбочиво. Эта его открытость людям и миру, радостная ежеминутная готовность отозваться на их зов — от нравственной цельности и силы человека, на которого можно положиться, пройти с ним через всю жизнь, а если случится беда — достойно встретить и ее.

Такая человеческая надежность и сблизила Василия с Фаиной, роль которой покоряюще сыграла актрисой Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького

Татьяной Шестаковой. Уткнется ли ее Фаина, счастливая и измученная долгим ожиданием мужа с охоты, в его телогрейку, сидит ли на берегу с дочкой-сосунком на руках, словно переливая всю себя в этот новый росточек жизни, поет ли песню — все у нее естественно, от сердечной щедрости, незамутненной доброты, счастливой уверенности, что жить можно и должно только так — мирно и достойно.

Но лютует война. И Фаина вчитывается в страшные слова «пропал без вести», повторяет их на разный лад и — здесь актриса, играя психологически тонко, с захватывающим драматизмом, дает ощутить, какая буря чувств уже накачивается на ее героине, — отводит, отводит, не дает проникнуть в мозг и душу их роковому смыслу. Однако, запрятанный и запретный, он настигнет ее, когда маленькая Маришка бросит в печку фронтové письма отца, как бросила в огонь ее мать листок с непереносимой вестью. И, потеряв себя на какое-то мгновение, она в отчаянии отхлестала дочку-несмышленишка. И все же на том самом сходе, когда раздадут ситец, она откажется от подарка, как от признания гибели мужа, ибо не порушены ее верность и вера, и, несмотря ни на что, она ждет. И еще через годы она будет всхлипать нemo, зажимая рот подушкой, всю ночь напролет и все глядеть на фотокарточку Василия.

А Василий, такой надежный, верный, любимый, смотрит на нее по-прежнему изумленно и улыбочиво. Хотя и числится он в триурных списках, но навсегда остался в строю бойцов и поныне вместе с новыми поколениями хранит нашу землю.

Поистине на таких вот людях стояла и стоит Родина. И потому сказание о Фаине и Василии, как хочется назвать телефильм «Ненаглядный мой», при всем трагизме просветляет душу состраданием, любовью, восхищением.

Георгий КАПРАЛОВ.